

Проф. Р. Випперъ.

ОЧЕРКИ

ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКАГО ПОЗНАНІЯ.

Цѣна 1 руб.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., с. д.
Москва — 1911.

Проф. Р. Випперъ.

ОЧЕРКИ

ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКАГО ПОЗНАНІЯ.

Цѣна 1 руб.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., с. д.
Москва — 1911.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Очерки теоріи историческаго познанія» составляют курсъ лекцій, читанныхъ въ Московскомъ Университетѣ зимой 190⁸/₉ года и появившихся въ слѣдующемъ году въ журналѣ «Современный міръ». Отдавая ихъ въ печать, авторъ ограничился несущественными измѣненіями редакціоннаго характера, стараясь сохранить по возможности и форму, въ которой излагался курсъ. Этими обстоятельствами объясняется планъ и содержаніе книги. Въ курсѣ лекцій было бы невозможно дать исчерпывающее и систематическое изложеніе общихъ проблемъ, занимающихъ современнаго историка, представить во всей полнотѣ столкновеніе борющихся между собою теорій. Но за то при изложеніи предмета было важно ввести слушателей въ кругъ вопросовъ, стоящихъ на очереди, и въ особенности испробовать съ ними приемы критическаго анализа по отношенію къ нѣкоторымъ наиболее острымъ темамъ и спорнымъ пунктамъ современной исторической науки. Автору кажется, что тотъ интересъ, съ которымъ были встрѣчены его попытки теоретико-познавательнаго анализа студентами, раздѣляютъ и болѣе широкіе круги людей, интересующихся судьбами и работой этой науки.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Часть I. Характеръ историческаго познанія. . .	1—74
1. Почему вопросы историческаго познанія стоять на очереди?	1
2. Элементы абстракціи и конкретности въ исторической наукѣ	16
3. Попытки избавить исторію отъ требованій общенаучнаго метода	48
Часть II. Формы историческаго познанія.	75—284
1. Представленія о плавѣ и темпѣ историческаго движенія.	76
2. Традиціонныя представленія о факторахъ, причинахъ и цѣляхъ историческаго движенія	115
3. Анализъ понятія цѣлесообразности историческаго движенія	138
4. Анализъ понятія причинной связи историческихъ явленій	166
5. Анализъ понятія основныхъ и производныхъ явленій	205
6. Активные и пассивные элементы культуры. Анализъ ученія о роли личности въ исторіи.	231
7. Анализъ понятія общественнаго класса	270

ЧАСТЬ I.

Характеръ историческаго познанія.

I.

Почему вопросы историческаго познанія стоятъ на очереди?

Мы привыкли соединять общіе вопросы исторической науки подъ терминами: „философія исторіи“, „соціологія“, „методологія исторіи“; но до сихъ поръ, кажется, не встрѣчался еще въ ученой литературѣ терминъ: „теорія историческаго познанія“. Хорошо помню, что когда, лѣтъ 15 назадъ, въ первый разъ привелось упомянуть въ университетскомъ курсѣ о теоріи историческаго познанія, я не имѣлъ опоры въ какой-либо книгѣ или статьѣ; я исходилъ изъ того соображенія, что если теоретико - познавательные вопросы вообще важны въ современной наукѣ, то они должны быть важны и для нашихъ общественныхъ наукъ, а слѣдовательно, можно и должно установить приемы и задачи теоріи познанія для исторіи.

Терминъ
„теорія историческаго познания“.

Совершенно увѣренъ, что многіе тѣмъ же путемъ приходили къ тому же вопросу и къ тому же термину. Вполнѣ естественно, что современники, люди одной и той же эпохи и среды, пробѣгаютъ одинъ и тотъ же путь мысли, волнуются однимъ и тѣмъ же запросомъ, выговариваютъ одно и то же завѣтное слово, но выговариваютъ каждый про себя, не зная о своихъ единомышленникахъ. Когда кто-нибудь первый высказываетъ публично это готовое въ умахъ слово или формулу, онъ сразу объединяетъ множество людей. Точно сразу обнаруживается цѣлая секта, цѣлая партія. Фактъ этотъ до такой степени иногда поражаетъ тѣхъ, кто искалъ одинаковыхъ путей и выходовъ, что люди забываютъ о заслугѣ собственной мысли. Они готовы признать перваго возвѣстителя мысли, общей цѣлому ряду искателей, изобрѣтателемъ этой мысли, открывшимъ ихъ глаза. Они говорятъ: „Вотъ онъ нашелъ то, чего мы искали“. Но, по большей части, я бы рѣшился сказать, почти всегда, это—ошибка. Идея, формулы, теоріи не изобрѣтаются, а обнаруживаются, и само обнаруженіе нерѣдко бываетъ случайнымъ; но какъ фактъ, служащій объединенію, какъ фактъ, социализующій мыслящихъ людей, обнаруженіе мысли можетъ быть крайне важно. Оно можетъ служить новымъ и существеннѣйшимъ толчкомъ для движенія мысли, потому что, когда слово сказано, вмѣсто одновременной, но изолированной работы наступаетъ работа совмѣстная, взаимное укрѣпленіе и взаимный контроль.

Такъ понимаю я и предстоящую работу. Теоріи историческаго познания пока нѣтъ, какъ связнаго цѣлаго, но запросъ на нее есть. Онъ соединяетъ многихъ, и

первый ли я произношу это слово, или нѣтъ, это неважно; важно то, что, произнося его, я высказываю общую многимъ цѣль исканій. И не только въ терминѣ, если онъ произносится впервые, нѣтъ изобрѣтенія; изобрѣтенія не будутъ и дальше, въ развитіи отдѣльныхъ положеній. Думаю, что мнѣ придется пересмотрѣть постановку обычныхъ нашихъ вопросовъ, анализировать наши привычные понятія и приемы. Однако, надо столковаться. Что же мы будемъ разумѣть подъ теоріей историческаго познанія? Вѣдь она является не только чѣмъ-то новымъ, какъ предметъ изложенія, но она представляетъ и новую область изысканій. Что же выдвинуло эту новую научную цѣль, что въ ней кроется? Отчего эти задачи раньше вовсе не ставились или не возникали въ такой острой формѣ?

Постоянно слышишь, что въ наше время возродился интересъ къ философіи; нерѣдко хвалятъ современныхъ студентовъ, какъ поколѣніе, которое „опять стало цѣнить философію“. Но если подъ философіей разумѣть общіе вопросы міропониманія, если философія—совокупность общихъ приемовъ и задачъ мысли, то это — похвала, незаслуженная нашимъ молодымъ поколѣніемъ, и упрекъ, незаслуженный его предшественниками: дѣло въ томъ, что въ наукѣ всегда впереди стояли общіе, иначе говоря, философскіе вопросы, и рѣшительно нѣтъ основанія утверждать, что, напримѣръ, 20 или 40 лѣтъ тому назадъ ими менѣе интересовались, чѣмъ теперь.

Наши панегиристы философіи выражаются иногда точнѣе о характерѣ привѣтствуемаго ими философскаго возрожденія. Они говорятъ о возникновеніи критицизма, о настоящей необходимости пересмотра нашихъ об-

Характеръ новыхъ запросовъ въ области философіи.

щихъ понятій, сужденій и приемовъ мысли. Такимъ образомъ оказывается, что не столько возродился интересъ къ философіи, сколько на первое мѣсто стало нѣкоторое новое направленіе ея. Правда, очень многіе изъ возвѣстителей эры критицизма какъ нельзя болѣе далеки отъ него по существу: подразумевая подъ критицизмомъ только отстраненіе началъ, выставленныхъ позитивной философіей, они пробиваютъ себѣ выходъ изъ тисковъ осторожной науки, чтобы взлетѣть въ облака безбрежной метафизики, чтобы приобрѣсти право опять искать Бога, абсолютное начало, говорить о тайнахъ непознаваемаго, сверхчувственнаго и сверхразумнаго. Намъ нѣтъ дѣла до всей этой идеалистической эпопеи, которая по временамъ похожа на попытку вернуться въ сладкое младенчество сознанія. Намъ важно, что и эта реакція мысли вынуждена идти подъ знакомъ критицизма, что даже новые метафизики должны прикидываться критицистами. Слѣдовательно, это сильный, неустрашимый запросъ.

На что же именно направленъ критицизмъ, и отчего онъ сталъ теперь на первую очередь? Опять-таки пересмотръ научныхъ схемъ, отвлеченій, символовъ, классификацій, терминовъ и приемовъ совершается и совершался постоянно и непрерывно; исторія науки есть смѣна приемовъ и формулъ, и всякой смѣнѣ предшествуетъ критика, толчкомъ къ которой служитъ неудовлетворенность построеніями и приемами, переданными отъ предшествующихъ поколѣній. Спрашивается: есть ли какое-нибудь отличіе критической работы нынѣшняго времени надъ построеніями, символами, методами науки отъ критики другихъ временъ?

Да, мы всё, во всѣхъ областяхъ науки, чувствуемъ это отличіе, чувствуемъ напряженность и всеобщность критическаго пересмотра. И чтобы сказать сразу, однимъ словомъ, въ чемъ состоитъ основаніе пересмотра, — у насъ накопилось слишкомъ много устарѣлыхъ элементовъ научной мысли, которые являются негодными орудіями или слишкомъ грубыми схемами. Иначе выражаясь, между новыми запросами и тѣми группами символовъ, которыми мы располагаемъ для описанія, для классификаціи, для истолкованія фактовъ, образовалось несоотвѣтствіе.

Въ самомъ дѣлѣ, всё важнѣйшія понятія, причина, слѣдствіе, сила, энергія, воля, цѣлесообразность, вліяніе, воздѣйствіе и т. п., которыми мы оперируемъ въ толкованіяхъ исторіи и въ построеніи историческихъ схемъ, — всё они возникли на почвѣ другого міровоззрѣнія, которое можно назвать *анимистическимъ*. Анимизмъ предполагалъ въ мірѣ, въ отдѣльныхъ существахъ и въ вещахъ дѣйствіе скрытыхъ личныхъ двигателей, духовъ, боговъ и божковъ. Въ большинствѣ вышеприведенныхъ терминовъ ясно чувствуется отбѣнокъ принудительнаго дѣйствія какой-то скрытой силы, *animus* или *anima*, намекъ на творческое начало, идущее изъ глубины вещей.

Отраженіемъ стараго міровоззрѣнія остался нашъ научный языкъ, наши традиціонныя формы умственнаго общенія. Но языкъ — не только архивъ старинной науки, онъ также необходимый аппаратъ и средство науки новой, подвигающейся впередъ. Языкъ, однако, не можетъ идти однимъ шагомъ съ развивающимися запросами, онъ неизбежно отстаетъ, затвердѣваетъ; безъ

Устарѣлости
научнаго
языка.

сомнѣнія, въ немъ возможны частичныя реформы, языкъ можетъ дополняться новой терминологіей, но это—измѣненіе внѣшняго характера. Конечно, унаслѣдованныя словесныя формы можно примѣнять въ новомъ смыслѣ, вкладывать въ нихъ другое содержаніе; такое незамѣтное превращеніе, такая замѣна понятій постоянно и происходитъ. Безъ сомнѣнія, говоря о причинахъ, на примѣръ, Великой революціи, мы разумѣемъ не то, что въ Средніе вѣка, согласно Аристотелю, понимали подъ causa efficiens, т.-е. творящей, осуществляющей силой; мы разумѣемъ подъ причиной — условія или даже только предшествующіе моменты событія. Мы уже смягчили это понятіе, вынули изъ него анимистическій смыслъ. Пожалуй, скажутъ, что возможность такой подстановки устраняетъ всякія затрудненія. Стоитъ ли такъ беспокоиться изъ-за словъ, терминовъ? Развѣ мы не господствуемъ надъ ними, развѣ мы не можемъ всякій разъ условиться относительно ихъ смысла и примѣненія?

Да, если бы всѣ были согласны при такомъ уговорѣ, и если бы слова были только подвижныя знаки, а не вызывали бы опредѣленныхъ представленій! Намъ кажется, на примѣръ, что въ терминѣ „причина“, „причинная связь“ мы уже устранили анимистическій смыслъ, идею творящей силы, энергіи. Но такъ ли это? Удалось ли намъ сдѣлать это вполне? Примѣняя терминъ, отыскивая причины историческихъ явленій, не попадаемъ ли мы все-таки на старые пути? Не пытаемся ли мы возстановить на практикѣ то, отъ чего въ принципѣ отказались? И, наконецъ, если мы не хотимъ допускать въ исторической жизни дѣйствіе скрытыхъ, одухотворенныхъ силъ, творящихъ человѣческія отношенія, то

какой новый смысл имѣетъ исканіе причинной связи историческихъ явленій?

Какъ бы мы свободно ни располагали данными научнаго и философскаго языка, однако и обратно, языкъ, точнѣе говоря, традиція черезъ посредство языка, господствуетъ надъ нашими представленіями. Въ видѣ иллюстраціи можно сослаться на реакціонеровъ начала XIX в., которые такъ настаивали на руководящей роли языка въ работѣ мысли. Слово, по ихъ мнѣнію, умнѣе мысли; все, что мы можемъ узнать въ наукѣ, намъ даютъ слова, даетъ языкъ. Высшій научный методъ — стараться понять вещи изъ ихъ названій. Отчего слѣдуетъ преклоняться передъ властью, передъ личностью властителя? Да потому, что эта заповѣдь заложена въ самомъ словѣ, означающемъ властителя: König, King, ханъ, каганъ и т. д. — всѣ эти слова отъ корня können, имѣть мощь, силу. Если ты понялъ истинный смыслъ слова, ты нашелъ принудительныя правила своего поведенія.

Конечно, это очень рѣдкій примѣръ торжества надъ человѣкомъ традицій, и потому онъ можетъ казаться малоубѣдительнымъ: вѣдь реакціонеры совершенно сознательно разыскивали въ архивѣ человѣческихъ дѣлъ и словъ все непонятное, загадочное, туманное, они намѣренно выстраивали изъ старинныхъ терминовъ какія-то загородки, препятствія для свободной мысли. Если же такой цѣли нѣтъ, если на языкъ не смотрѣть, какъ на неприкосновенный Божій даръ, если сознательно избѣгать мистики, то въ устарѣлости языка, повидимому, нѣтъ никакой опасности, есть лишь нѣкоторое неудобство, нѣкоторая тяжесть, мѣшающая движенію.

Возможенъ другой примѣръ, который покажетъ, что такая опасность есть, что старый аппаратъ рѣчи образуетъ реальную силу, что въ виду его жизненности намъ очень трудно разобратъся въ нашихъ сужденіяхъ, остаться послѣдовательными.

Давленіе уна-
слѣдованной
научной тер-
минологіи.

Мы постоянно говоримъ: вина такой-то партіи, что произошли извѣстныя событія; заслуга такого-то дѣятеля, что онъ впервые поставилъ на очередь такую-то общественную задачу; массу народа охватило такое-то общее чувство, которое вызвало тѣ и тѣ коллективные поступки. Но развѣ не странны, не чужды нашему уху эти выраженія? И что они представляютъ: только условныя, предварительныя бѣглыя отмѣтки наши для классификаціи явленій, или это — настоящіе прямые вопросы и настоящія окончательныя оцѣнки?

Всѣмъ хорошо знакома борьба противъ метафизики, противъ понятій и сужденій, стоящихъ внѣ области опыта. Отстраненіе метафизики, отрещиваніе отъ метафизики очень понятны: они внушены сознаніемъ ея бесплодности. Но мы постоянно видимъ, что искреннѣйшіе противники метафизики сами оказываются повинны въ примѣненіи метафизическихъ идей и приемовъ. Въ этомъ отношеніи существуетъ какое-то взаимное недоверіе и подозрѣніе; во всякой новой теоріи стараются прежде всего открыть метафизическій элементъ. Что же означаютъ эти постоянныя взаимныя обвиненія, что показываютъ эти грѣхопаденія, невольныя и досадныя, потому что тотъ, кто оказывается виновнымъ въ примѣненіи метафизическаго приѣма, искренно желалъ избавиться отъ всякаго подобія его?

Они только показываютъ силу традиціонной символики

мысли. Они показывают, что образовалось большое несоотвѣтствіе между нашими запросами, между задачами, которыя ставитъ наука, и тѣми средствами, которыми мы располагаемъ для ихъ разрѣшенія, для отвѣта на нихъ. И мы должны почувствовать, что устарѣлость научнаго языка есть нѣчто большее, чѣмъ одно внѣшнее неудобство. Отсюда возникаетъ потребность общей провѣрки, общаго пересмотра всего хода нашего познаванія, всего аппарата описанія и истолкованія фактовъ, подлежащихъ научному изслѣдованію. Задача теоріи познанія теперь до извѣстной степени можетъ быть названа боевой; въ результатѣ ея критической работы должно произойти очищеніе понятій и пріемовъ, устраненіе элементовъ чуждаго, устарѣлаго міровоззрѣнія, которое не согласуется съ нашими новыми запросами; вмѣстѣ съ тѣмъ должна получиться и болѣе точная формулировка нашихъ научныхъ задачъ. Въ то время какъ для пересмотра общихъ условій нашего научнаго познанія Рихардъ Авенаріусъ предпринялъ монументальную критику чистаго опыта, въ области отдѣльныхъ наукъ сдѣлано въ этомъ смыслѣ очень мало. Тонкія, остроумныя замѣчанія Эрнста Маха къ теоріи познанія физики и механики, конечно, должны казаться отрывочными. Но это все-таки очень большая работа въ сравненіи съ полнымъ молчаніемъ въ области теоріи познанія наукъ общественныхъ.

Въ сферѣ естественныхъ наукъ въ настоящее время колеблются чуть ли не всѣ общія унаслѣдованныя понятія. Необходимо пересмотрѣть идеи матеріи, вещества, силы, энергіи; подъ вопросомъ стоитъ понятіе неистребимости, вѣчности матеріи и энергіи. Намъ говорятъ

Кризисъ общихъ научныхъ понятій